

АЛЕКСАНДР КАРПОВ

СОЛДАТСКИЙ КРЕСТ

МОСКВА

ОКОПНАЯ ПРАВДА

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

АЛЕКСАНДР КАРПОВ

СОЛДАТСКИЙ КРЕСТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К26

Иллюстрации на обложке *Павла Магась*

Карпов, Александр Николаевич.

К26 Солдатский крест / Александр Карпов. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Окопная правда Победы. Романы, написанные внуками фронтовиков).

ISBN 978-5-04-221546-9

Валентин Сафронов ушел на фронт восемнадцатилетним. Увлечение охотой определило боевую судьбу парня — его назначили снайпером. Вот только повоювать юному герою как следует не пришлось. В одном из первых же боев он был контужен и попал в плен. Не миновать ему, полуживому, расстрела, если бы не случай: приговоренные к смерти красноармейцы сумели перебить конвой и вырваться на свободу. Но испытания на этом не закончились. Неожиданная встреча с партизанской разведгруппой, выполняющей особо важное задание, снова поставила Валентина на грань жизни и смерти...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221546-9

© Карпов А., 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Глава 1

Пробудившийся от ночного сна в это короткое октябрьское утро лес, скованный первыми осенними заморозками, был озарен ярким солнечным светом. Пожелтевшая и покрытая инеем листва на деревьях природным зеркалом отражала лучи небесного светила. Издалека край леса, казавшийся до этого утра просто желтой полосой под линией горизонта, отливал бриллиантовым блеском и слепил глаза.

Красота лесной окраины контрастировала с грунтовой, размокшей в период сентябрьских дождей дорогой, скованной морозцем, и довольно широким перепаханным полем, устланным местами соломой, уже немного подгнившей и лежавшей на нем пятнами. К западу огромное поле терялось, вдалеке упираясь в еле заметный край леса. С южной своей стороны оно граничило с оврагом, противоположная часть которого была покрыта редкими деревьями, дальше уплотнявшимися и образовавшими очередной лесной массив. А с востока поле граничило с довольно широкой для этих мест дорогой, соединяв-

шей областной центр с деревнями, поселками, с небольшим городом и далее ведущей далеко на север, на Москву.

Все вокруг казалось абсолютно пустым. Нигде видно не было ни одной живой души. Не летали даже птицы. Была пустой пашня, совсем отсутствовало когда-то интенсивное движение на шоссе, разбитом за последние недели плотным движением колесной и, чего никогда не было в этих местах, гусеничной техники. Кое-где видневшиеся вдали за лесами крыши деревенских домов, вопреки холодной погоде, не выпускали в небо привычный дым из труб, как будто именно сегодняшней ночью они были покинуты жителями по какой-то причине, может, в ожидании приближающейся беды.

Природа сама, то ярким солнечным светом, то его сияющим отражением от всего, покрытого инеем, давала понять, что жизнь в округе должна активно продолжаться и развиваться. Но, вопреки всему, ее тут как будто бы и не было. Ничто не говорило о том, что она может тут быть. Все застыло и замерло в едва ли не полном безветрии.

Движение вскоре началось. Необычное и еле заметное. Край леса неожиданно ожил. Несколько одетых в серые шинели и зеленые ватные куртки человек, опоясанных ремнями, подсумками и прочей амуницией, в стальных касках на головах, с вещмешками за спинами, с оружием в руках, медленно и осторожно, оглядываясь по сторонам, вышли из леса. Осмотревшись и оглядев пролежавшее в кило-

метре от них шоссе, они распределились вдоль широкой тропы, отделявшей вспаханное поле от лесного массива. Пригибаясь, пробежали по ней и быстро залегли, выставив оружие в направлении дороги.

— Не высовываться, не курить и не баловать мне тут! — прикрикивая на бегу, проследовал вдоль цепи залегших солдат пожилой мужчина со знаками различия армейского политработника на рукавах шинели, опоясанный потертыми кожаными ремнями, с толстой командирской сумкой на бедре.

По тому, как отреагировали на его слова солдаты, было заметно, что этот человек является для них значимым авторитетом, а все его слова и действия весомы, приказы его должны беспрекословно ими выполняться. Все как один они прижались к земле, прекратили какую-либо возню и движение, замерли в ожидании новых распоряжений и указаний.

— Вот немец поперет, а вы тут обозначите себя? Так он вас всех разом танками и разгонит да подавит! — ворчал политработник.

Тщательно подобрав промеж ног полы шинели, он медленно опустился на землю и лег на живот возле бойца со снайперской винтовкой в руках. Достав из футляра на поясе бинокль и приложив его к глазам, он начал вглядываться в даль, в сторону шоссе. Поводя окулярами то вправо, то влево, изредка отрываясь от них, чтобы осмотреться невооруженным оптикой взглядом, он снова поднимал к глазам бинокль. Каждый раз политработник причмокивал губами, еле заметно кряхтел, сопел и снова напряжен-

но вглядывался то в сторону шоссе, то еще дальше, то на полосу леса за полем, то на еле заметные вдаль крыши деревенских изб.

— Товарищ старший политрук, — еле слышно сказал подошедший с тыла подразделения молодой лейтенант со знаками различия артиллериста в петлицах. — Мы в трехстах метрах слева от вас окопались. Два противотанковых орудия с прислугой и два станковых пулемета. В моем секторе южная половина шоссе и поле справа от него.

— Понял тебя, лейтенант! — повернулся к нему политработник. — Со мной почти полная рота солдат сейчас будет. Пулеметы только ручные. Один взвод уже тут. Остальные с минуты на минуту будут. Я их вдоль поля по кромке леса распределю.

— Вас понял! — лейтенант небрежно отдал честь и спросил: — Разрешите идти?

— Окопался, говоришь? — нахмурился старший политрук и с досадой в голосе протянул: — А мы вот не успели. А сейчас уже и поздно.

Артиллерист невольно вздернул бровями и покачал плечами, не зная, что можно ответить в этой ситуации старшему по званию.

— Ну, — продолжил он, — мои два орудия справа от шоссе. Слева от него — второй взвод. У них тоже две сорокопятки, и они тоже окопались. Снарядов хватает. За ними в стороне два танка в лесочке встали. Хотят с фланга ударить в направлении дороги. Да и за нами танковый взвод схоронился в гуще леса, для внезапности.

— Ого! — блеснули глаза политработника. — А мы прошли и танкистов не заметили. Надо же! Значит, хорошо замаскировались. Умеют, как надо, и готовились долго, тренировались.

Последние слова он намеренно сказал как можно громче, словно делал акцент на качестве выполненной кем-то маскировки, поучая тем самым солдат из недавнего молодого пополнения своей роты. Лежавший рядом с ним на земле боец со снайперской винтовкой в руках еле заметно ухмыльнулся от умело преподнесенных личному составу слов политработником. Тот заметил это и сразу же, расплывшись в улыбке, обнажившей желтые прокуренные зубы, упрекнул его без всякой злобы в голосе:

— Да, Валентин, да! Маскировка в военном деле вещь крайне важная.

Потом он повернулся ко все еще находившемуся рядом артиллеристу и произнес, обращаясь теперь к нему:

— Можете идти, товарищ лейтенант. Я скоро буду у вас для уточнения деталей.

Перевернувшись на бок, чтобы удобнее лежать лицом к солдату, он продолжил его поучать, следуя делу армейских политработников, одной из обязанностей которых было как раз наставлять в военном деле своих подчиненных.

— Ты вот в снайперы из простых солдат попал, без специальной подготовки. Только потому, что в подростках с отцом охотиться любил. Да еще лучшим в роте на стрельбище себя показал. А вот тео-

рию стрельбы не изучил. Потому и не ведаешь многого из того, что тебе положено знать, — пытаюсь расположиться как можно удобнее, кашляя и кашляя, говорил он.

— Да где мне учиться-то было, товарищ политрук? — проворчал в ответ боец. — С выпускного я сразу в военкомат побежал. На фронт захотелось. Весь наш класс так поступил. Только сразу никого не взяли. Частями вызывали по повесткам и отправляли. Меня в августе призвали. Месяц на формировании и сюда. А чему за месяц научить можно? Только длинным коли да коротким коли. На стрельбище всего раз и водили. Отстрелялся — похвалили. Два выстрела, два попадания в центр мишени. Я сказал, что охотник. В бумагах это и записали, а потом выдали эту винтовку.

— Раз выдали, Валентин, так и отработывай возложенную на тебя ответственность, — впился в солдата глазами политработник, продолжая поучать. — Хороший стрелок, а тем более снайпер, на поле боя на вес золота. Иные похлеще пулемета дел творили. Это я еще с Гражданской знаю.

Солдат промолчал в ответ. Он опустил глаза вниз и начал пристально разглядывать почву под цевьем своего оружия, под слоем придавленной травы необычного цвета. Такую он встретил уже здесь, в том самом месте, где занял позицию для ведения огня, куда занесла его армейская служба, где он вот-вот должен был принять свой первый в жизни бой. Черная до синевы, до блеска земля. Совсем не такая,

как у него на родине, не рассыпчатая и глинистая, и немного песчаная. Здесь она плотная, жирная. Да и растительность отличалась. Стебли шире, длиннее, сочнее. Упавший под тяжестью мороза поздний цветок крупный. На его родине таких растений нет. Трава значительно ниже, если она не растет у многочисленных болот. Бутоны маленькие и не такие яркие.

Солдат медленно провел кончиками пальцев по поверхности земли. Потом ощупал стебель травы и повернул к себе когда-то яркий, сочный и пестрый цветок.

— Сразу видно, что ты деревенский, — причмокнул губами армейский политработник. — Сельскохозяйственной культурой любишься.

Они встретились глазами и невольно улыбнулись друг другу.

— Это чернозем. Земля так называется плодородная, — продолжил старший политрук. — Она тут вся такая. Урожай на ней — загляденье. Что захочешь — вырастет. Даже арбузы. Вот только если солнце позволит.

Солдат покачал головой, не зная, что сказать в ответ старшему по званию. Воспринял все как есть. Раз говорят, значит, так и положено. Арбузы — значит, арбузы. Хотя он их никогда за свою восемнадцатилетнюю жизнь еще не пробовал. Сказать об этом старшему по званию солдат не решился, чтобы не смущаться от затяжной беседы с человеком, который по возрасту годился ему в отцы, что непременно сковывало парня, вынуждая стесняться-

ся. В деревнях так и воспитывали. Старший всегда прав. Слова таких людей воспринимались за истину. Спорить не возбранялось, но и не приветствовалось. Заслужи авторитет, заработай его, поднимись в глазах односельчан, тогда и беседуй на равных, спорь, если нужно.

Он снова отвлекся, решив теперь оценить не землю, цветы и травы, а деревья. Еще из крохотного окна вагона-теплушки, по пути на фронт, он обратил внимание на то, как меняется по мере удаления от родных мест природа. Прямые, высокие мачтовые сосны и густые, пушистые ели менялись на лиственные породы деревьев. Да и те поначалу казались низкорослыми, с редкой кроной. Потом, по мере следования в южном направлении, они становились выше, пышнее. Наконец, миновав Москву, преодолев железнодорожный мост через широкую Оку, он заметил изменение в окружающем ландшафте, перепады высот, протяженные холмы, многочисленные овраги и присутствие лиственных пород деревьев с низкой, почти до земли кроной. Такие преобладали. Потом вперемежку с ними стали попадаться высокие, словно сосны, дубы с толстыми стволами.

Из размышлений о земле, о сельскохозяйственных культурах солдата вывел чей-то негромкий окрик, раздавшийся позади, со стороны того самого леса, откуда он сам появился около получаса назад.

— Товарищ старший политрук, второй и третий взвод вверенной вам стрелковой роты прибыли, — доложил командир в длиннополой шинели, в петли-

цах которой виднелись по одному кубарю младшего лейтенанта.

Боец узнал в нем командира своего взвода, прибывшего к ним в эшелон уже во время движения по железной дороге, от чего еще очень плохо знал его и не успел понять, что он за человек. На вид лет двадцать пять. Сказал, что из запаса. А кто он и откуда родом, чем занимался до призыва — никому из личного состава еще узнать не довелось.

— Давай всех влево! — стал, кряхтя, подниматься пожилой политработник. — Распределяй по кромке леса. И делай все так, чтоб никто не высовывался. Разговорчики, курение и болтовню запрещаю. Немец на подходе. Ждать, скорее всего, недолго осталось. Вот-вот на шоссе появится немецкая колонна. Тогда берегись.

С трудом переваливаясь с ноги на ногу, преодолевая и терпя боль в пояснице, которой он почти постоянно касался тыльной стороной ладони, старший политрук побежал, пригибаясь к земле, вдоль леса, криком и жестами подгоняя только что прибывших на позиции солдат.

Боец проводил его взглядом, отмечая, что ему довольно крупно повезло в жизни, да еще в такой трудный момент, называемый войной, встретить столь внимательного и заботливого, словно родной отец, человека. Тем более что родителя своего он похоронил несколько лет назад, когда тот в суровую и холодную зиму сильно простудился и заболел во время одной из дальних поездок на санях. Политработник

заботился о молодом солдате, будто о сыне, потому как считал своим родным едва ли не каждого молодого солдата в роте. Пару дней назад опекал и нянчился, как говорили бойцы, с одним из пулеметных расчетов, обучая его бойцов воинским премудростям. До того возился словно с детьми с ротными писарями, внушая им элементарные правила общения с командирами всех уровней и столь необходимую в их деле внимательность при составлении документов. Вчера вечером добрался и до единственного в подразделении снайпера.

— Ну-ка, Валентин, — обратился политработник к опекаемому им со вчерашнего дня солдату, — а ну, приподнимись.

Боец невольно дернулся, не понимая, что от него хочет воинский наставник.

— Я тебе зипун принес. Под себя подстели. А то застудишься, — он присел перед бойцом на колени и начал подсовывать тому под тело принадлежавший кому-то когда-то предмет теплой одежды, приговаривая: — У снайпера первая болезнь — это простуда. Застудиться, когда на земле подолгу лежишь, раз плюнуть.

Солдат почувствовал неловкость перед своими товарищами, которые в это время сами не то с завистью, не то с непониманием наблюдали за проявлением излишней заботы по отношению к одному из них.

— Морозы внезапно в этом году нагрянули. Осень еще не закончилась, а похолодало сильно, — ворчал политработник, старательно подсовывая под